

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Дурной товарищ

I

История разыгралась прескверная и совершенно неожиданная. Кажется, ни один человек в мире не мог бы ее предвидеть, тем более что осеннее утро выдалось такое чудное, светлое, с крепким морозцем... Но я забегаю вперед.

Когда меня отдавали в школу, тетушка Мария Ильинишна считала своим долгом повторить несколько раз с особым ударением:

- Коля, главное, бойся дурных товарищей!..

Мой отец, скромный, вечно занятый человек, счел необходимым подтвердить то же самое.

- Да, товарищи - это главное... И поговорка такая есть: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Да, нужно быть осторожным...

Нужно сказать, что я рос порядочным баловнем, вероятно, потому, что рано лишился матери и в глазах доброй тетушки являлся сиротой. Милая добрая старушка напрасно старалась быть строгой, и даже выходило смешно, когда она начинала сердиться и придумывать грозные слова. Когда истощался весь запас строгости, тетушка прибегала к последнему средству и говорила самым зловещим тоном:

- Вот погоди, придет папа со службы, тогда узнаешь... Да, узнаешь!

Отец никогда меня не наказывал, а в крайнем случае, когда был особенно недоволен моим поведением, запирался у себя в кабинете. Это было самым сильным средством для моего исправления, и я серьезно мучился, пока буря не проходила.

Итак, стояло чудное осеннее утро. Я с намерением вышел из дому пораньше, как и другие товарищи, с которыми вместе ходил в школу. Первая новость, которую я узнал на улице, была та, что река встала, то есть покрылась льдом. Это известие всех школьников страшно взволновало, тем более что наша дорога в школу проходила мимо реки, то есть не то чтоб совсем мимо, а приходилось сделать большой крюк, ну, как не посмотреть на первый лед - это было свыше наших сил. Дорога сокращалась еще тем, что мы побежали к реке бегом. Действительность превзошла все наши ожидания. Река не только встала, но была покрыта таким блестящим льдом, точно зеркалом.

- Ах, какой лед!.. - крикнули мы все разом.

К реке бежали мальчишки из других улиц, - как на праздник. Были тут и гимназисты, и реалисты, и ученики городских школ, и просто безыменная детвора, высыпающая из подвалов и чердаков. Два мальчика из соседней булочной прибежали в

одних рубашках, в опорках на босу ногу и без шапок. Подняли общий радостный крик, и по льду с звенящим гулом полетели палки и камни. Нет больше удовольствия, как запустить палку по такому молодому льду, который гудит, как тонкое стекло.

- А ведь лед толстый, - заявил Паша Селиванов, краснощекий мальчуган из нашего класса. - Ей-богу, толстый...

Для проверки было брошено несколько кирпичей, и лед не проломился. Это было великолепно, и мы прыгали на берегу, как дикари.

- Если лед держит кирпичи, то, значит, можно по нему ходить, - проговорил Костя Рябов, тоже наш товарищ.

- Ах, если бы были коньки... - пожалел кто-то.

- Можно попробовать пройти по льду и без коньков, - продолжал третий.

- А в самом деле, если попробовать...

Точно в ответ на этот вопрос, с противоположной стороны на лед выскочил мальчуган в красной рубашке. Смелчак лихо прокатился, стоя на ногах, и вызвал общее одобрение. Пример получился заразительный. За первым смелчаком явился, конечно, и второй, и третий.

- Да, им хорошо там кататься, - с завистью говорил Паша Селиванов. - Там берег мелкий. Если и провалятся, так не утонут.

Это говорило благоразумие. Действительно, наш берег шел обрывом, и река здесь была глубокая. Но явилась счастливая мысль: пройти по льду у самого-самого берега. Это была общая мысль, трогательная по своей простоте и разумности. Костя Рябов сейчас же и привел ее в исполнение. Лед выдержал...

- Да он совсем толстый, лед...

Мы принялись бегать по закрайку самого берега, и все выходило отлично, несмотря на то что кое-где лед ломался и выступала вода.

- Это тонкий лед только у самого берега, а посередине реки он совсем толстый, - сообразил кто-то. - Это всегда так бывает...

Кому первому пришла в голову счастливая мысль проверить это предположение на опыте, трудно сказать. Впоследствии выходило как-то так, что никто не выходил на лед первым, а дело началось прямо со второго номера. Я, конечно, был виноват решительно меньше всех, вернее, совсем не виноват и даже отговаривал товарищей, хотя они, по свойственному им коварству, совершенно не слышали голоса благоразумия.

Когда мы были уже на середине реки, на противоположном берегу раздался общий отчаянный крик:

- Полиция!!

Действительно, на берегу торопливо бежали два городских и что-то кричали. Катавшаяся по льду детвора бросилась врассыпную на берег, как воробьи. Мы забрались слишком далеко, чтобы убежать сейчас же, и лед был такой скользкий. Кто-то из нас упал, на него упал другой, и лед не выдержал нашей тяжести. Сначала он зловеще треснул, потом начал опускаться, и мы все трое как-то сразу очутились по горло в воде. Как мы кричали, было слышно чуть не за версту. По берегу бегали два городских. Откуда-то появились доски и веревки. Кто-то ужасно кричал, и со всех сторон бегали люди - мужики, женщины, дети.

- Тонут!!! Караул!..

Все случилось так быстро, что трудно было что-нибудь сообразить. От страха мы даже не чувствовали, как холодна вода, и напрасно цеплялись руками за тонкий лед, который сейчас же ломался, как сухарь. Вместе с нами плавали в воде наши шапки, так что с берега казалось, что тонет целых десять человек.

Мы уже выбивались из сил, когда по льду, держа веревку в зубах, подполз какой-то подмастерье. Он вперед себя толкал длинную доску, за которую мы и ухватились окоченевшими руками. Как нас вытащили, я плохо помню. Какой-то человек поставил меня на ноги, встряхнул и проговорил всего одно слово:

- Хорош!..

II

Можно себе представить весь ужас моей тетушки, когда меня привели к ней, всего мокрого и без шапки. Бравый городской, сделав под козырек, отрапортовал:

- Они изволили тонуть, а мы их вытащили...

Городской получил на чай, а меня потащили в мою комнату, раздели, и тетушка сама принялась растирать меня водкой и скипидаром. Потом явились на сцену липовый чай, малина и мята. Через полчаса я уже лежал в своей постели. Странно, что настоящий испуг я испытал только теперь, когда лежал на своей собственной кровати.

Первое, что могла сказать милая тетушка, была обычная фраза:

- Вот что значит, Коля, иметь дело с дурными товарищами...

Старушка только сейчас сообразила, как велика была опасность, которой я подвергался, и горько расплакалась.

- Я тебе всегда говорила, Коля, что твои приятели Паша Селиванов и Костя Рябов не доведут тебя до добра...

Я заступался за своих товарищей как умел, но это нисколько не убедило тетушку. Она еще больше рассердилась и даже погрозила кулаком.

- Только бы они попали в мои руки... О, я знаю, что это они затащили тебя на лед! А вдруг бы ты утонул? Что бы я сказала папе, когда он вернется домой со службы? Ведь он обвинил бы во всем меня, почему я недосмотрела. А что я могу сделать с этими сорванцами?!. Господи, вот наказание-то...

Последняя мысль убивала меня не меньше, чем тетушку, и я даже закрывал глаза от страха, представляя себе возвращение отца со службы. В самом деле, что я могу сказать ему в свое оправдание? Решительно ничего... Конечно, немного утешала мысль, что и моим товарищам по несчастью не лучше, чем мне, если не хуже. Если бы мой отец закричал на меня, начал браниться или как-нибудь меня наказал, все было бы, кажется, легче, а то выслушает рассказ тетушки, повернется и уйдет к себе в кабинет. Хуже этого я ничего представить не мог, потому что очень любил отца, а с другой стороны чувствовал себя бесконечно виноватым.

- Тетя, я больше не буду... - по-детски оправдывался я, чтобы сказать что-нибудь.
- Только позвольте мне встать и одеться.

- Э, нет, голубчик!.. Умеешь тонуть, так лежи в постели, пока не придет отец. Пусть он делает с тобой что хочет.

Это было для меня наказанием.

Отец возвращался со службы в 5 часов, и я с тоской ждал, когда в передней раздастся звонок. Время точно остановилось. Но вот и звонок. У меня замерло сердце. Тетушка встретила отца в передней, и я слышал, как она ему рассказывала целую историю о дурных товарищах, которые меня силой затащили на лед и чуть-чуть не утопили.

- Я всегда это говорила, - повторяла она. - Коля очень доверчив. Он еще совсем ребенок...

Отец не ответил ни слова и прямо из передней пришел в мою комнату. Я со страха закрыл глаза и боялся шевельнуться. Отец сел на мою кровать, пощупал мою голову и ласково спросил:

- Тебя не знобит?

- Нет, папа...

Ласковость отца растрогала меня больше всего, и я расплакался самым глупым образом. Тетушка, выгораживая меня, продолжала сочинять такую историю о дурных товарищах, причем выходило как-то так, что Костя Рябов и Паша Селиванов с намерением затащили меня на лед и точно нарочно хотели меня утопить.

- Я всегда говорила Коле: бойся дурных товарищей. Вот по-моему и вышло... Если бы он не встретил их сегодня утром на улице, если бы они не затащили его силой на реку...

- Да, дурные товарищи - вещь опасная, - соглашался отец и потом прибавил: - А вот я сейчас покажу Коле того дурного товарища, которого нужно опасаться больше всего...

Отец ушел в свою спальню и вернулся с маленьким зеркалом, перед которым брился.

- Ну вот, смотри портрет самого дурного товарища, - говорил он, подставляя зеркало к моему лицу. - Его нужно бояться больше всего, особенно если не хватает характера удержаться от чего-нибудь. Понял?

- Да, папа... - согласился я, рассматривая свое собственное лицо в зеркале.